

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 341.4

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-2-151-163

Оригинальная научная статья

Кодификация международного уголовного права: политико-правовой анализ

Денис Витальевич Ерохин*

✉ deniserokhin@mail.ru

Ул. Маяковского, 37, Омск, 644010, Россия

Аннотация. Вопросы систематизации международного уголовного права уже много десятилетий если и не находятся в центре внимания субъектов международного правотворчества, то, как минимум, не снимаются с повестки. Вместе с тем переговорный процесс по указанной тематике даже в настоящее время далек от завершения, осталось неразрешенным значительное количество проблем как юридико-технического, так и политического характера. Анализ исторического опыта кодификации международного уголовного права, попытка его сведения в единый отчет – основная задача настоящей статьи, тогда как ее целью является определение наиболее значимых этапов кодификации международного уголовного права, установление предпосылок принятых на международном уровне решений правотворческого характера, их логики и значения для текущего состояния системы международной уголовной политики. Методологию настоящего исследования составляют такие методы, как формально-юридический, логического и системного толкования права, историко-сравнительный анализ. Как основная, так и заключительная части настоящего исследования представляют собой краткий экскурс в вопросы формирования международной уголовной политики, обозначают основные ориентиры в исследовании различных направлений международного уголовного права.

Ключевые слова: международное уголовное право; международная уголовная политика; кодификация международного уголовного права; кодификация; проект международного уголовного кодекса; международный уголовный кодекс; проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества; кодекс преступлений против мира и безопасности человечества; Комиссия международного права.

Для цитирования: Ерохин Д. В. Кодификация международного уголовного права: политико-правовой анализ // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С. 151–163. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-2-151-163>

Original scientific article

Codification of International Criminal Law: A Political-Legal Analysis

Denis V. Erokhin**

✉ deniserokhin@mail.ru

37 Mayakovsky st., Omsk, 644010, Russia

Abstract. For many decades, the issues of systematization of international criminal law, if not in the center of attention of the subjects of international lawmaking, are at least not removed from the agenda. At the same time, the

© Ерохин Д. В., 2021

© Erokhin D. V., 2021

* Старший следователь Омского межрайонного следственного отдела Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Омской области; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8082-0209>

** Senior Investigator of the Omsk Interdistrict Investigation Department of the Investigative Bureau of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Omsk Region; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8082-0209>

negotiation process on this topic, even at the present time, is far from over; a significant number of problems of both a legal-technical and a political nature remain unresolved. An analysis of the historical experience of the codification of international criminal law, an attempt to bring it into a single report is the main task of this article, while its purpose is to determine the most significant stages of the codification of international criminal law, to establish the prerequisites for decisions of a law-making nature adopted at the international level, their logic and significance for the current state of the system of international criminal policy. The methodology of this research is made up of such methods as formal legal, logical and systemic interpretation of law, historical and comparative analysis. Both the main and the final parts of this study represent a short excursion into the formation of international criminal policy, indicate the main guidelines in the study of various areas of international criminal law.

Keywords: international criminal law; international criminal policy; codification of International criminal law; codification; International Criminal code; Code of crimes against the peace and security of mankind; International Law Commission.

For citation: Erokhin D. V. Codification of International Criminal Law: A Political-Legal Analysis. *Siberian Law Review*. 2021;18(2):151–163. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-2-151-163> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

С функциональной точки зрения выделение вопросов кодификации международного уголовного права в отдельную проблему, требующую комплексного осмысления, анализа и поиска возможных путей совершенствования исследуемой системы, позволяет достичь большей эффективности в вопросе формирования международного уголовного правосудия. Вместе с тем понимание уголовного права в том или ином виде накладывает отпечаток и на структуру его источников, и на обоснование уголовной ответственности (вне зависимости от того, осуществляется ли уголовная наказуемость опосредованно, путем рецепции соответствующих деликтов в национальное право либо через признание международного права составной частью национальной правовой системы). Отсюда возникает проблема приведения в единую систему разрозненных норм международных актов, поскольку однозначного ответа на вопрос о том, относится ли конкретное положение отдельного правового акта к международному уголовному праву как таковому, подчас не представляется возможным по причине того, что в определенном смысле международное уголовное право касается (или должно касаться) лишь тех составов преступления, которые нарушают общие международные интересы (безотносительно к тому, нашла ли свое отражение в национальном праве защита таких интересов).

Вполне очевидным является и определенное пересечение вопросов чисто уголовно-правового характера и процедурных аспектов.

В частности, это касается темы субъекта международной уголовно-правовой ответственности, которая требует весьма осторожного признания приоритета международного уголовного правосудия, ведь не менее важной представляется и защита конституционных прав граждан, обусловленных суверенным правом каждого народа на защиту от внешних посягательств. Конституционный порядок есть следствие общественного консенсуса, т. е. он существует за счет согласия каждого члена общества жить в тех условиях, о которых общество договорилось. Эта система кладет на одну чашу весов такие обязанности, как уплата налогов, соблюдение законов и другие, а на другую – гарантии безопасности каждого гражданина государства. И когда над этой системой превозносится международное право с его необходимостью в том числе предавать суду тех лиц, которые по мнению международного сообщества являются так называемыми военными преступниками, эта система приходит в дисбаланс, поскольку даже выдача одного человека, *a priori* защищенного национальной конституцией, компрометирует всю систему в целом.

Описанное – лишь наглядный пример одной из многих проблем, возникающих при попытке дать ответ на вопрос о значении международного уголовного права для правосудия и правоприменения. Изначально теоретический характер международного уголовного права дает благодатную почву для широких дискуссий, однако при переходе с теоретического уровня в плоскость правоприменения возникает ряд существенных вопросов, решение которых

возможно только после того, как будут определены «правила игры». И эти правила должны быть очень четкими, заранее известными всем субъектам международного сообщества. На сегодняшний же день международное уголовное право существует преимущественно как система обычно-правовых норм, касающихся вопросов терроризма, нарушений законов войны. Степень разрозненности этих норм, их разноплановая направленность, иногда ничем не обоснованная, нередко ставят под сомнение жизнеспособность данных правовых предписаний в условиях ежедневного, потокового применения.

Является ли перспективным решением этой проблемы всеобъемлющая кодификация международного уголовного права?

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый в области международного правосудия в последние годы, преступления против человечества до настоящего времени не перестали быть актуальной проблемой. Достаточно взглянуть на преследования мусульман рохинджа в Мьянме, уничтожение городов и пытки в Сирии, создание и деятельность политических тюремных лагерей в Северной Корее, сексуальное насилие в Демократической Республике Конго и Центральной Африканской Республике. Это наглядно демонстрирует, что международному сообществу еще только предстоит огромная работа. Успешное учреждение и функционирование специальных международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда в 1990-х гг. привели к ожиданию того, что виновные в преступлениях против человечества будут наказаны. Вместе с тем мандаты (временные, юрисдикционные и практические) этих учреждений оставили многие тысячи возможных преступников вне зоны их юрисдикции. Это предполагает, что в настоящее время расследование и судебное преследование за эти преступления должно в первую очередь происходить в рамках национальной юрисдикции. Тем не менее национальным юрисдикциям нужны инструменты, чтобы стать эффективными исполнителями международного уголовного права, особенно в отношении преступлений против человечества, ведь уголовное законодательство целого ряда государств не содержит норм об указанных преступлениях, что относится даже к некоторым государствам-участникам Статута Международного уголовного суда, которые порой не имеют положений, конкретно касающихся судебного

преследования за преступления против человечества, таких как обязательство *aut dedere aut judicare*, отмена сроков давности, форм ответственности, положений о взаимной правовой помощи и выдаче.

И хотя привлечение к ответственности за преступления против человечества впервые имело место в Нюрнберге в 1945 г., в отличие от военных преступлений, они никогда не были кодифицированы в специализированном соглашении, хотя в настоящее время существует более 300 международных конвенций, касающихся различных видов преступлений, от геноцида до отмывания денег.

Согласно п. 1а ст. 13 Устава Организации Объединенных Наций Генеральная Ассамблея уполномочена содействовать прогрессивному развитию международного права и его кодификации. Прогрессивное развитие международного права включает разработку правовых норм в областях, которые еще не регулируются международным правом или не рассматриваются в достаточной степени в практике государств. Кодификации международного права присущи более точная формулировка и систематизация норм международного права по вопросам, которые уже широко освещались в практике государств, прецедентах и доктринах.

Отдел кодификации Управления по правовым вопросам Организации Объединенных Наций оказывает помощь Генеральной Ассамблее в выполнении вышеупомянутого мандата, в частности путем предоставления основных секретариатских услуг соответствующим органам, учрежденным Ассамблеей, таким как Комиссия международного права, а также в качестве шестого (юридического) комитета Ассамблеи и на дипломатических конференциях полномочных представителей, созываемых для ведения переговоров по многосторонним договорам. Отдел кодификации помогает также в точной формулировке и систематизации норм международного права путем подготовки аналитических исследований в различных областях международного права. Он способствует формированию всеобщего уважения международного права, особенно путем оказания законодательным (юридическим) лицам Генеральной Ассамблеи помощи в повышении соблюдения государствами их обязательств по Уставу или другим правовым документам или по общему международному праву. Отдел кодификации

также поощряет и содействует преподаванию, изучению, распространению и более широкому признанию международного права путем планирования и осуществления Программы помощи в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права.

Методология настоящего исследования напрямую связана с анализом деятельности указанной структуры ООН такими методами, как формально-юридическое, логического и системного толкования права, а также через историко-сравнительный анализ.

В 2017 г. Комиссия международного права приняла 15 проектов статей, проект Преамбулы и проект Приложения о взаимной правовой помощи, составляющие ядро, базис того, что может когда-нибудь стать новым глобальным договором о преступлениях против человечества.

Одной из задач настоящего исследования являются изучение и контекстуальный анализ истории проекта международного Уголовного кодекса и анализ некоторых из его основных положений в свете существующего корпуса международного уголовного права, а также переговорной, политической и юридико-технической работы, которая предшествовала этому.

Очевидно, что системный правовой акт, содержащий перечень основных деяний, представляющих интерес для международного сообщества с позиций их закрепления как преступлений против человечества, должен включать множество элементов. Так, Римский статут, например, определяет преступления против человечества, закрепляет обязательства государств по предотвращению указанных преступлений и наказанию виновных. Он также основан на современных конвенциях Организации Объединенных Наций о коррупции и транснациональной организованной преступности, что в перспективе позволит создать надежную модель межгосударственного сотрудничества, и имеет другие прогрессивные и позитивные элементы. В то же время работа Комиссии могла бы быть гораздо более продуктивной, а новый договор станет более надежным в случае устранения некоторых недостатков в проекте, многие из которых укрепили бы характер

ius cogens или усилили превентивный режим, который проект стремится закрепить.

Исторически старт межгосударственному обсуждению вопросов международного уголовного права положил Венский конгресс 1814–1815 гг., где страны, подписавшие Парижский договор 1814 г., приняли положения, запрещающие работорговлю. Уже после этого на разного рода конференциях разрабатывались нормы и по другим вопросам, таким как законы ведения войны, мирное урегулирование международных конфликтов и т. д.

И в этом процессе самым примечательным является даже не содержание принимаемых норм (поскольку последние носят ситуационный или изолированный характер, затрагивают лишь отдельные проблемы или применимы только к отдельным регионам), а то, что государства оказались готовы к длительным усилиям по развитию международного права. Например, итогом Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг., обсуждение на которых велось, во-первых, в контексте результатов, достигнутых на предыдущих конференциях, посвященных выработке законов ведения войны, а во-вторых, в рамках уже имеющихся практических действий государств по мирному разрешению международных споров, стало соглашение о целом ряде важных конвенций, что послужило в конечном счете существенным стимулом к дальнейшей разработке вопросов кодификации международного права.

Не менее важным шагом, демонстрирующим усилия государств по развитию международного права, стало принятие Ассамблеей Лиги Наций резолюции от 22 сентября 1924 г., создававшей постоянно функционирующий орган, а именно Комитет экспертов для прогрессивной кодификации международного права, в состав которого должны были войти представители государств из всех основных правовых систем мира¹. Перед этим Комитетом ставилась задача: подготовка перечня вопросов, для которых приоритетным вариантом разрешения является международное соглашение, а также исследование позиций правительств как по этому перечню (и представление доклада по вопросам, в части которых достигнуто соглашение), так и по процедурам подготовки конференций для урегулирования наиболее спорных вопросов. Вне всякого сомнения, знаменательным в этом решении является

¹ *League of Nations* : Official Journal, Special Supplement. 1924. № 21. P. 10. URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/000061541>

прежде всего то, что оно не касается каких-то отдельных проблем, но служит попыткой осуществления масштабной кодификации и, соответственно, развития целых областей международного права. И предпринятые усилия не были безрезультатными, ведь после консультаций с правительствами государств и Советом Лиги Ассамблеей в 1927 г. было принято решение о созыве дипломатической конференции, целью которой ставилась кодификация тех тем, в отношении которых был достигнут консенсус. К числу таковых относились и вопросы ответственности государств за ущерб, нанесенный на их территории личности или собственности иностранцев². 25 сентября 1931 г. Ассамблеей Лиги Наций была принята важная резолюция, касающаяся процедуры кодификации, суть которой состоит в укреплении влияния правительств на каждом этапе этого процесса³. В связи с этим следует отметить, что это положение было в дальнейшем воспринято и воспроизведено в Положении о Комиссии международного права Организации Объединенных Наций вместе с рядом других рекомендаций, данных в рамках названной резолюции (например, положения о подготовке проекта конвенции комитетом экспертов, о тесном сотрудничестве международных и национальных научно-исследовательских институтов).

Однако при разработке Устава ООН большинство правительств решительно выступили против предоставления ООН законодательных полномочий, которые стали бы основой для принятия ею общеобязательных нормы международного права. Следствием такой позиции стало и отклонение предложений о наделении Генеральной Ассамблеи ООН полномочиями, в соответствии с которыми при наличии большинства голосов возможно было бы наложение на государства обязательств по выполнению положений ряда общих конвенций. Вместо таких полномочий было предложено предоставить Генеральной Ассамблее ограниченные возможности по проведению исследований и предоставлению рекомендаций, что и легло в основу положения о том, что «Генеральная Ассамблея организует

исследования и делает рекомендации в целях поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации» (п. 1 ст. 13¹² Устава ООН⁴).

11 декабря 1946 г. в ходе первой сессии Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 94 (I), в соответствии с которой учреждается Комитет по прогрессивному развитию международного права и его кодификации, которому поручено рассмотрение и рекомендация Генеральной Ассамблее процедуры, в ходе которой она могла бы исполнить обязательства, указанные в п. 1 ст. 13¹² Устава ООН. Было проведено 30 заседаний, где подробным образом рассмотрены принципиальные вопросы, затрагивающие организацию, круг ведения, функции и методы работы комиссии международного права, по итогам чего был принят доклад, содержащий рекомендации об учреждении комиссии международного права⁵. По мнению ряда членов Комитета прогрессивное развитие международного права существенно не отличается от его кодификации, в связи с чем ими указывается, что и в том, и в другом случае необходимо наличие международных конвенций, наделяющих выработанные положения обязательной для государств юридической силой. Однако обозначенная позиция не является единственной. Другие члены Комитета придерживались мнения о том, что кодификация и развитие международного права существенным образом различаются (отметим, что среди сторонников данной позиции не было единства мнения о том, какой из этих двух концепций следовало бы отдать главенствующее значение).

Наиболее острым вопросом был состав комиссии международного права. Представители Комитета обоснованно доказывали, что членами комиссии не могут быть работники правительственных структур, но при этом они должны являться признанными авторитетами в области международного права, чем подчеркивался бы научный, а не политический характер работы комиссии. Однако было и осознание того, что комиссия в любом случае должна сотрудничать

² *League of Nations* : Official Journal, Special Supplement. 1927. № 53. P. 9. URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/000061541>

³ *Ibid.* 1931. № 92. P. 11. URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/000061541>

⁴ *Documents of the United Nations Conference on International Organization, San Francisco, 1945*, vol. III, documents 1 and 2; vol. VIII, document 1151; and vol. IX, documents 203, 416, 507, 536, 571, 792, 795 and 848. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1300969?ln=en>

⁵ *Официальные отчеты Генер. Ассамблеи, вторая сессия, Шестой комитет. Документ A/56/10 // Система офиц. документации ООН. 1949.* URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/>

с политическими структурами государств, а сам вопрос о проектах, подготовленных комиссией, должен решаться Генеральной Ассамблеей ООН.

В ходе второй сессии Генеральной Ассамблеи подавляющим большинством голосов членов Шестого комитета по правовым вопросам, который является главным комитетом Генеральной Ассамблеи ООН, занимающимся рассмотрением правовых вопросов⁶, было поддержано решение о создании комиссии международного права, а также был разработан проект Положения о Комиссии международного права. В рамках реализации этих положений 21 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 174 (II), которой учреждается Комиссия международного права и утверждается соответствующее Положение о Комиссии. Безусловно, в последующем в указанное Положение вносились изменения на основе шести резолюций Генеральной Ассамблеи, принятых как по инициативе Комиссии, так и по инициативе отдельных правительств⁷. Отметим, что данные поправки касаются главным образом расходов членов Комиссии, определения места проведения заседаний и т. д.

Пункт 1 ст. 1 Положения о Комиссии международного права устанавливает, что «Комиссия международного права имеет своей целью содействие прогрессивному развитию международного права и его кодификации». В статье 15 при этом проводится различие между прогрессивным развитием, понимаемым как подготовка проектов конвенций по вопросам, не урегулированным международным правом (или вопросам, в отношении которых регулирование развито недостаточным образом), и кодификацией, рассматриваемой как более точное формулирование и систематизация норм международного права в тех областях, в которых уже имеются обширная государственная практика, прецеденты и доктрины. В действительности же работа Комиссии, как правило, включает рассмотрение вопросов в обоих аспектах, баланс же между подходами зависит от конкретной темы⁸. Вместе

с тем в силу того обстоятельства, что кодификация и прогрессивное развитие характеризуются различными методами работы, разработчики Положения посчитали целесообразным поручить выполнение обеих задач одной комиссии; не нашло также поддержки предложение о создании отдельных комиссий по вопросам частного, публичного и уголовного права, а в п. 2 ст. 1 Положения указывается, что Комиссия «занимается преимущественно вопросами международного публичного права, но она может рассматривать и вопросы международного частного права». Практика работы Комиссии свидетельствует о серьезных усилиях в части разработки положений международного уголовного права, будь то формулировки Нюрнбергских принципов или же вопросы международной уголовной юрисдикции. Наиболее примечательными в этой сфере являются подготовка проекта Статута Международного уголовного суда в 1994 г. и проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества в 1996 г.

Существует ряд требований к темам, по которым планируется работа Комиссии:

– тема должна отражать потребности государств в части прогрессивного развития и кодификации международного права;

– тема должна быть в необходимой степени разработана с точки зрения практики правоприменения государств для целей прогрессивного развития и кодификации⁹;

– тема должна быть конкретной и реализуемой;

– Комиссия не должна ограничиваться только лишь традиционными темами; предметом рассмотрения должны становиться также и те темы, которые отражают актуальные тенденции в области международного права и интересы международного сообщества в целом¹⁰.

И в свете вышеизложенного нельзя не отметить позицию В. П. Панова, который вполне обоснованно определяет международное уголовное право как систему принципов и норм,

⁶ Правила процедуры Генер. Ассамблеи, правило 98. Документ A/520/Rev.15/Amend.2 // Система офиц. документации ООН. 1949. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/>

⁷ Резолюции Генер. Ассамблеи ООН 485 (V) от 12 дек. 1950 г., 984 (X) и 985 (X) от 3 дек. 1955 г., 1103 (XI) от 18 дек. 1956 г., 1647 (XVI) от 6 нояб. 1961 г. и 36/39 от 18 нояб. 1981 г. URL: <https://www.un.org/ru/sections/documents/general-assembly-resolutions/>

⁸ Ежегодник Комиссии междунар. права. 1979. Т. II, ч. 1. Документ A/CN.4/325. URL: <http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/>

⁹ Ежегодник Комиссии междунар. права. 1997. Т. II, ч. 2. URL: <http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/>

¹⁰ Официальные отчеты Генер. Ассамблеи ООН, шестьдесят первая сессия, дополнение № 10, документ A/61/10 // Система офиц. документации ООН. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/>

регулирующих сотрудничество государств в борьбе с преступлениями, предусмотренными международными договорами¹¹. Основными его источниками являются так называемые общие универсальные договоры, принятые в рамках ООН.

Еще в период разработки принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала (и отраженных в его решении), когда Генеральная Ассамблея поручила Комиссии сформулировать эти принципы, Комиссия рассмотрела этот вопрос в предварительном порядке, в ходе чего возник вопрос о том, следует ли Комиссии выяснять, в какой степени принципы, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала, являются принципами международного права. В силу того обстоятельства, что данные принципы были единогласно утверждены Генеральной Ассамблеей в соответствующей резолюции, Комиссия пришла к выводу, что порученная ей задача заключается не столько в оценке названных принципов, сколько лишь в их формулировке, для чего на той же сессии было принято решение о создании подкомитета, который предоставил в последующем рабочий документ, содержащий формулировку Нюрнбергских принципов, который был рассмотрен Комиссией, по итогам чего был согласован ряд проектов статей, которые должны быть переданы комитету для переформулировки. Задача формулировки Нюрнбергских принципов тесно связана с работой по подготовке проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (на это указывает и тот факт, что Комиссия решила отложить окончательную формулировку принципов до дальнейшего продвижения работы по подготовке кодекса).

С сожалением приходится отметить тот факт, что в рассматриваемой области не сложилось неоспоримой концептуальной основы. В определенной степени это можно объяснить динамикой тех угроз, с которыми сталкивается международное сообщество на разных этапах исторического развития. Например, С. С. Босхолов отмечает, что наибольшую опасность для международного сообщества представляет незаконный оборот наркотиков, приносящий транснациональной организованной преступности более 500 млрд долларов США прибыли [1]. В. П. Панов же указывает, что следует обратить внимание на преступления, связан-

ные с геноцидом, а также воинские преступления. Тем не менее на сегодняшний день единой, иерархично выстроенной в соответствии со степенью общественной опасности системы преступлений, обладающей качеством нормативности, не представлено. Безусловно, отмеченный динамизм преступности приводит к тому, что на тот или иной момент, с точки зрения международного сообщества, та или иная угроза представляет опасность подчас несравненно большую, чем другие (ЕГ: активизация наркокартелей и резкое увеличение наркотрафика, очевидно, отодвинет на второй план менее актуальные проблемы), но, если речь ведется о реально скоординированных системных мероприятиях по борьбе с преступностью, ее профилактике, то неоценимый вклад в такую деятельность внес бы системно построенный документ, оформленный путем принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принимающей долгосрочную программу противодействия преступности, где были бы учтены все актуальные на сегодняшний день преступные угрозы, чтобы в соответствии с этим документом было возможно выстраивать программу дальнейшего сотрудничества, наполненную не абстрактными намерениями, но планами конкретных действий по оказанию противодействия, выражающего единую волю всего международного сообщества. Более того, такой документ мог бы стать долгосрочной основой для подлинной гармонизации и унификации уголовного законодательства всех государств-членов (разумеется, с поправками на особенности каждой национальной правовой системы в отдельности). Безусловно, многие акты, принятые в рамках ООН, например, по итогам конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, уже оказывают значительное влияние на формирование и генезис и международного уголовного права, и уголовного права государств – членов ООН. Так, Уголовный Кодекс РФ учитывает положения и рекомендации международных правовых актов, а глава 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» фактически полностью базируется на них, однако в иных сферах такого единства не наблюдается.

Отдельного упоминания заслуживает Проект ООН от 1 января 1954 г. Речь идет о проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

¹¹ Панов В. П. Международное уголовное право : учеб. пособие. М. : Инфра-М, 1997. 308 с.

Работа над кодексом была возложена на Комиссию международного права в 1947 г. в соответствии с резолюцией 177 (II) от 21 ноября 1947 г. Комиссия посчитала целесообразным включить в него только те преступления, которые содержат политический элемент и ставят под угрозу или препятствуют поддержанию международного мира и безопасности. Поэтому в проекте кодекса опущены такие составы, как пиратство, торговля опасными лекарственными веществами, торговля людьми, рабство, подделка денежных знаков, повреждение подводных кабелей. Комиссия также решила ограничиться рассмотрением вопроса об ответственности физических лиц, не включая в кодекс никаких положений, касающихся преступлений, совершенных абстрактными субъектами. Так, в решении Нюрнбергского трибунала говорится: «Преступление, нарушающее норму международного права, совершается людьми, а не абстрактными субъектами, и применение положений международного права может быть обеспечено только путем наказания физических лиц, совершающих такие преступления»¹². Установление конкретных наказаний за каждое преступление было сочтено комиссией нецелесообразным, определение наказания за любое преступление, предусматриваемое кодексом, с учетом тяжести конкретного совершенного преступления было оставлено на усмотрение компетентного суда.

На шестой сессии, состоявшейся в 1954 г., Комиссия рассмотрела доклад Специального докладчика, в котором обсуждались замечания, полученные от правительств, и вносился ряд поправок к ранее принятому Комиссией тексту. На этой же сессии Комиссия приняла проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и комментарии к нему.

Генеральная Ассамблея в резолюции 36/106 от 10 декабря 1981 г. предложила Комиссии международного права возобновить свою работу в целях дальнейшей разработки проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества¹³. Продолжение работы можно объяснить тем, что проект кодекса 1954 г. поднимает проблемы, тесно связанные с вопросом об определении агрессии. Рассмотрение этого вопроса откладывалось неоднократно по различным причинам, таким как необходимость создания

специального комитета, получения замечаний от государств-членов и т. д.

Таким образом, Генеральная Ассамблея пришла к выводу, что целесообразно изучить кодекс в контексте и с учетом результатов, достигнутых в процессе прогрессивного развития международного права.

В 1982 г. на тридцать четвертой сессии Комиссия включила в повестку пункт «Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества». Комиссия продолжала работу над проектом кодекса на тридцать пятой сессии в 1983 г. и работала над ним до сорок третьей сессии, состоявшейся в 1991 г., а также на сорок шестой и сорок седьмой сессиях в 1994 и 1995 гг. соответственно. В связи с дальнейшим рассмотрением проекта кодекса Комиссии были представлены доклады Специального докладчика, комментарии и замечания, полученные от правительств и международных организаций, а также документы, подготовленные Секретариатом.

На тридцать пятой сессии в 1983 г. Комиссия приступила к проведению общих прений на основе первого доклада Специального докладчика, который касался трех вопросов:

- 1) сферы применения проекта;
- 2) методологии разработки проекта;
- 3) реализации кодекса.

По вопросу методологии Комиссия сочла целесообразным включить вводную часть, содержащую общие принципы уголовного права, такие как принцип отсутствия обратной силы уголовного закона и теории отягчающих и смягчающих обстоятельств, соучастия, побудительных мотивов и оправданных актов. По остальным вопросам позиция комиссии сводилась к следующему. Комиссия считает, что проектом кодекса должны охватываться лишь наиболее тяжкие международные преступления. Факт совершения таких преступлений будет устанавливаться на основе общего критерия и с учетом относящихся к этому вопросу конвенций и деклараций. В части вопросов о субъектах права, которым может быть вменена уголовная ответственность, Комиссией ввиду политического характера этой проблемы определено как необходимость выяснение мнения на этот счет Генеральной Ассамблеи. Относительно же реализации кодекса следует заметить, что среди стран-членов не нашлось

¹² *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nurnberg, 14 November 1945 – 1 October 1946.* URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/NT_major-war-criminals.html

¹³ *Резолюция* Генер. Ассамблеи ООН A/RES/36/106 от 10 дек. 1981 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/36/106>

единого мнения относительно компетентного органа. Кроме того, согласно преобладающему в Комиссии мнению в пользу признания уголовной ответственности государств было бы целесообразно, чтобы Генеральная Ассамблея уточнила, должен ли такой орган юстиции обладать также компетенцией в отношении государств.

На своей тридцать шестой сессии, состоявшейся в 1984 г., Комиссия провела общие прения по проекту кодекса на основе второго доклада Специального докладчика, который касался двух вопросов, а именно преступлений, охватываемых проектом 1954 г. и преступлений, которые были определены после 1954 г. К преступлениям, которые упоминались как возможные для включения в кодекс, относились, наряду с закрепленными в проекте кодекса 1954 г., колониализм, апартеид, серьезный ущерб окружающей среде, экономическая агрессия, применение атомного оружия и наемничество¹⁴.

В ходе сорок третьей сессии, состоявшейся в 1995 г., Комиссия рассмотрела тринадцатый доклад Специального докладчика, который исключил 6 из 12 преступлений, включенных в ходе первого чтения, а именно: угрозу агрессией, вмешательство; колониальное господство и другие формы иностранного господства, апартеид; вербовку, использование, финансирование и подготовку наемников; преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде. На первый взгляд, нелогичное решение является ответом на те возражения, критику или оговорки, которые были высказаны некоторыми правительствами в отношении этих преступлений. Таким образом, основное внимание было уделено в докладе остальным преступлениям, содержащимся в проекте кодекса, принятом в ходе первого чтения, а именно: агрессии, геноциду, систематическим и массовым нарушениям прав человека, военным преступлениям, международному терроризму и незаконному обороту наркотических средств. По итогам рассмотрения доклада было принято решение о проведении консультаций по статьям, закрепляющим данные преступления, для чего Комиссией было принято решение об учреждении Рабочей группы.

На сорок восьмой сессии в 1996 г. Комиссия приняла окончательный текст проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и комментарии к нему. Текст состоит

из 20 статей, разделенных на общую и особенную части. Часть I содержит положения о сфере действия и применения кодекса, личной ответственности, наказании, ответственности государств, ответственности вышестоящего должностного лица, установлении юрисдикции, выдаче предполагаемых преступников, судебных гарантиях, отсутствии обратной силы закона и т. д.

Комиссия приняла данный проект кодекса с учетом того, что вынужденно была сужена сфера его применения. Некоторые члены Комиссии высказали сожаление в связи с таким сужением, однако это был вынужденный шаг для достижения широкого консенсуса и получения одобрения всех стран-членов. Вместе с тем предполагается, что принятие кодекса отнюдь не исключает дальнейшего его развития.

Отдельную сложность вызвал вопрос о форме выражения кодекса. Рассматривались различные варианты, в том числе форма международной конвенции, принятой полномочной конференцией или Генеральной Ассамблеей, включение в Статут Международного суда или принятие Кодекса Генеральной Ассамблеей в качестве декларации.

Через три года после доработки предлагаемой конвенции тема преступлений против человечества была вновь включена в долгосрочную рабочую программу, основанную на докладе, подготовленном профессором Шоном Мерфи, который присутствовал на Вашингтонской конференции Capstone в 2010 г.

Так, в настоящее время четыре ключевых элемента новой конвенции должны иметь значение: определение, принимающее ст. 7 Устава Международного уголовного суда; обязанность криминализовать преступления против человечества в национальном законодательстве; надежные процедуры межгосударственного сотрудничества; четкое обязательство преследовать в судебном порядке или выдавать правонарушителей. В докладе также подчеркивалось, как именно новый договор должен дополнить Статут Международного уголовного суда. Осенью 2013 г. государства имели возможность прокомментировать указанный доклад в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, что и было сделано Словенией, Австрией, Чехией, Италией, Норвегией, Перу, Польшей; США также приветствовали позицию об элементах планируемой

¹⁴ Документ A/CN.4/377 // Система офиц. документации ООН. 1949. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/>

конвенции. Позиция же ряда правительств заключалась в обеспечении того, чтобы новый договор дополнил Устав Международного уголовного суда. В частности, таковы были позиции Малайзии и Соединенного Королевства (Великобритании). Некоторые государства поставили под сомнение необходимость нового договора, в том числе Франция, Иран, Малайзия, Румыния и Россия.

В мае 2014 г. на вилле Мойнье в Женеве было проведено совещание международных экспертов в области правосудия и членов Комиссии, чтобы обсудить возможность новой конвенции, ее потенциальное содержание и процесс создания и согласования между государствами. Эти обсуждения кратко изложены в отчете, опубликованном 17 июля 2014 г. Следует отметить длительное участие Комиссии в борьбе с преступлениями против человечности и исторически прогрессивную позицию Комиссии по отделению преступлений против человечности от вооруженных конфликтов в их формулировке в Нюрнбергских принципах. В этот же период Комиссия почти завершила свою работу по обязательству выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*).

В мае 2016 г. Комиссия рассмотрела второй доклад Специального докладчика, в котором были предложены шесть дополнительных проектов статей, и получила от Секретариата меморандум с информацией о механизмах контроля на основе договоров. После обсуждения Комиссия в предварительном порядке приняла проекты ст.ст. 5–10 с комментариями. Эти статьи требуют от государств криминализовать преступление, предусмотреть ответственность командования, устранить защиту вышестоящих порядков, отменить любой срок давности, наложить соответствующие штрафы и установить ответственность юридического лица за преступление.

Спорным в контексте работы Комиссии остался вопрос об ответственности юридических лиц. Первоначально он был отклонен Специальным докладчиком, однако после активных обсуждений все же было принято решение включить его, учитывая возможность участия юридических лиц в совершении преступлений против человечности. Проекты статей 2016 г. касались также юрисдикции, расследования, предварительных мер, *aut dedere aut judicare* и справедливого обращения с предполагаемым преступником. Реакция правительств на доклад Комиссии за 2016 г.

снова становится все более позитивной, и только тремя государствами (из 36 комментирующих) даны негативные оценки.

В январе 2017 г. после совещания экспертов, состоявшегося в Национальном университете Сингапура в декабре 2016 г., Специальный докладчик завершил подготовку своего третьего доклада, в котором говорится, что Специальный докладчик завершит проекты статей в 2017 г., отметив при этом, что одно из государств «настойчиво призвало Комиссию завершить свою работу по этой теме как можно быстрее». В третьем докладе предлагается семь новых статей и проект преамбулы. Комиссия рассмотрела третий доклад в мае 2017 г., после чего проекты статей и проект преамбулы были направлены в Редакционный комитет под председательством Анирудхи Раджпута. Хотя было много комментариев технического характера относительно положений об экстрадиции и взаимной правовой помощи, большинство членов Комиссии в значительной степени поддерживают эти статьи, которые обсуждались в Сингапуре, а также приветствуют использование конвенций о транснациональной преступности в качестве отправной точки для работы Комиссии.

В ходе дебатов по вопросу допустимости амнистии по делам о преступлениях против человечества несколько членов утверждали, что характер преступлений против человечности *jus cogens* не позволяет считать амнистию законной, предлагая следующее: если Комиссия не включила запрет, она должна по крайней мере отметить в комментариях, что неспособность наказать за преступление против человечности нарушит обязанность государства криминализовать преступление. Представляется, что указанную проблему возможно решить, добавив в преамбулу указание о характере преступления *jus cogens*.

Следует констатировать, что проект статей Комиссии 2017 г. является отличной отправной точкой для переговоров по новому международному документу о преступлениях против человечества. В течение последних трех лет ведется постоянная и тщательная работа над подготовкой проекта, затрагивающего большинство важных вопросов, которые потребуются для нового договора и будут в значительной степени приемлемы для государств, о чем свидетельствует растущее одобрение работы Комиссии, что является немалым достижением. Не всеми принимается

эта идея, и многие сторонники международного правосудия задавались вопросом, может ли новый договор каким-либо образом подорвать работу Международного уголовного суда. Потребовались годы переговоров, как публичных, так и частных, прежде чем идея завоевала популярность. Однако нельзя не отметить того факта, что вместо обсуждения абстрактной концепции следовало бы уделить большее внимание исследованию потенциала конкретных предлагаемых правовых положений. При этом проект Комиссии значительно короче, чем ранее предложенная конвенция, но включает многие из тех же элементов: он дополняет и усиливает роль Международного уголовного суда; в нем особое внимание уделяется как предупреждению, так и наказанию; он включает строгий процедурный режим выдачи и взаимной правовой помощи, основанный на современных конвенциях ООН о коррупции и транснациональной организованной преступности, и имеет надежные юрисдикционные положения; в нем есть пункт об урегулировании споров, на который можно ссылаться в международном суде для разрешения споров, касающихся толкования и применения договора.

Тем не менее, поскольку Комиссия продолжает свою работу, оставшаяся часть этого исследования предлагает некоторые предварительные соображения относительно проектов статей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из вышеизложенного следует вывод не только о составах преступлений, входящих в сферу международного уголовного права, но и о субъектном составе международной уголовной политики. Однако прежде чем определить круг этих субъектов, следует указать, что субъекты уголовной политики в широком смысле – физические (в том числе должностные) лица, организации, которые участвуют в выработке положений, концептуально определяющих основные направления борьбы с преступностью, ее принципы и методы. Следовательно, основным признаком субъекта уголовной политики является направленность его деятельности на формирование новой или изменение, корректирование, совершенствование действующей уголовной политики. Применительно к международной уголовной политике это определение требует лишь

уточнения о том, что субъект вовлечен в процесс формирования международной уголовной политики. Поэтому к числу таких субъектов можно отнести в первую очередь Комиссию международного права и создаваемые ею специальные комитеты, ЭКОСОС, а также непосредственно действующую Генеральную Ассамблею ООН и Совет Безопасности ООН. Следует заметить, что это лишь субъекты, действующие на уровне ООН. Данный уровень характеризуется широким участием подавляющего количества стран, что позволяет учитывать все текущие и перспективные мировые тенденции преступности при формировании международной уголовной политики. Вместе с тем необоснованным будет утверждение о том, что все страны участвуют в этом на равных, паритетных началах. В настоящее время мир является свидетелем глубоких изменений в системе международных отношений. Концепция однополярного мира терпит крах, устанавливается новая геополитическая реальность. Российская Федерация, видя свою основную задачу в реализации принципа мирного урегулирования споров, встретила активное противодействие со стороны США и стран Европейского союза. В определенной мере такое противодействие оказывает влияние и на международное право, особенно если принять во внимание тот факт, что на американскую политику, в том числе на выработку внешнеполитической линии США, влияют юристы-международники¹⁵. В этом плане внешнюю политику США можно охарактеризовать как экспансионистскую, направленную на установление экономического и политического контроля над максимально широким кругом государств путем осуществления экономических интервенций или же посредством оккупации территорий. В послании Конгрессу от 6 декабря 1904 г. президент Т. Рузвельт сказал: «Любая страна, народ которой управляет собой хорошо, с разумной эффективностью и приличием в общественных и политических делах, если он поддерживает порядок и выполняет свои обязательства, – может рассчитывать на нашу сердечную дружбу... Постоянные ошибки или бессилие, приводящие к ослаблению уз цивилизованного государства, будь это в Америке или где либо еще, в конечном итоге обуславливают вмешательство цивилизованной страны». Иными словами, как и столетие назад,

¹⁵ Блищенко И. П., Шавров В. Ф. Теория и практика международного права США : учеб. пособие. М. : Изд-во УДН, 1985. 85 с.

США позиционируют себя как международную полицейскую силу. Однако это проявляется не только в проведении агрессивной внешней политики через экспансию. Действуя на международных площадках, в первую очередь ООН, США не считают нужным ставить себя в один ряд с другими странами-членами.

В определенной мере это связано с тем, что разработка многих правовых теорий проходила в условиях распространения в США субъективно-идеалистической школы прагматизма, который был одним из самых влиятельных течений американской философии. Большое влияние также оказывал социал-дарвинизм, рассматривающий естественный отбор и борьбу за существование в качестве основного двигателя общественного развития, провозглашая, по сути, «право сильного». На этой теории базируется исследование межгосударственных отношений, проведенное профессором Колумбийского университета Дж. Берджесом. В его работах содержится оправдание колониальной политики, призыв к неограниченному применению силы «цивилизованными нациями», утверждение неравенства народов [2]. Самому международному праву в американской теоретической мысли уделено скромное место среди прочих социальных наук. Оно лишь воспроизводит в основных чертах европейские международно-правовые теории.

Среди прочих, наиболее показательны взгляды американского адмирала А. Мэхэна, который отражал внешнеполитические связи и межгосударственные отношения в терминах стратегии и тактики, как если бы субъекты международного права находились бы между собой в состоянии вооруженного конфликта [3, р. 106]. Для Мэхэна физическая, вооруженная сила является важнейшим элементом международной политики, фактором, определяющим положение государств в международном сообществе. Подобных взглядов придерживался и Н. Спайкман, которому было свойственно еще более пренебрежительное отношение к международно-правовым нормам [4].

Наряду с приведенными сторонниками применения силы, в США существует и другая группа исследователей, которые придают Соединенным Штатам роль «мирового жандарма». По их мнению, эта страна должна распространять свои передовые идеалы на все прочие государства. Не случайно в США в течение длительного времени бытовало мнение о кризисе

международного права, которому приписывался ряд причин: господство силы в международных отношениях; разделенность мира на отдельные суверенные государства; наличие враждебных культур и идеологий, якобы устранявших основу существования общего международного права. Международное право обвинялось в отрыве от реальности.

Профессор Массачусетского технологического института Л. Блумфилд, обладающий многолетним опытом работы в Госдепартаменте США, объясняя проблемы американской дипломатии в основном психологическими моментами, вынужден признать, что причиной подобного рассмотрения международного права, в том числе и уголовного, при котором оно становится средством достижения геополитических целей одного, наиболее сильного в военном плане государства, является милитаризация. Говоря о роли военных в американской политике, он пишет, что «министерство обороны стало таким чудовищно огромным, что, желая того или нет, оно, действительно, осуществляет контроль над большей частью американской промышленности и ее политическими представителями» [5].

Возвращаясь к предмету нашего исследования, отметим, что описанный выше процесс создания проекта кодекса не случайно был столь длительным. В отношении подобных переговорно-консультационных процессов на правовые концепции США оказывают сильное влияние теоретические схемы так называемого политического торга, под которым, в сущности, понимается действие всего механизма многосторонней дипломатии. Положительными моментами такой схемы можно считать заинтересованность каждого участника переговорного процесса, действующего в соответствии с ней, в достижении взаимоприемлемых результатов, а также более дифференцированный подход к оценке участников переговоров. Переговоры как «торг», как процесс коммерческой сделки, в ходе которой возможны обманы, повышение и снижение цены на «товар», принуждение и запугивание, рассматриваются как приемлемый метод таким известным американским международником, как Г. Моргентау [6].

США используют давление как в двусторонних отношениях, так и в ходе многосторонних переговоров. Во время переговоров в рамках ГАТТ в 1978–79 гг. США оказали нажим на своих западных союзников, пригрозив оставить в силе

повышенные пошлины на импорт товаров из Западной Европы на сумму 400 млн долл.

Очевидно, что и в рамках переговорного процесса по созданию Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества США активно прибегали к методам политического давления, искусственного затягивания рассмотрения проекта и т. д. Это оказывает крайне негативное влияние на развитие международного уголовного права. По нашему мнению, связующим звеном в системе международной уголовной политики, призванным консолидировать разрозненные позиции субъектов в единое целое, является именно система межгосударственных связей и отношений. Од-

нако такие связи должны носить направленный на достижение общего компромисса характер. Компромисс должен достигаться посредством поиска тех участков проблемы, где уместна договорная основа для их формирования. При этом внедрение сугубо геополитических целей в ткань межсубъектных связей международной уголовной политики оказывает губительное влияние, обесценивая все усилия по направленной борьбе с преступностью, поскольку с функциональной точки зрения эффективное международное уголовное право базируется не на геополитике, а на качественной нормативной и криминологически обусловленной основе.

Список литературы

1. Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М. : Центр ЮрИнфоР, 2004. 303 с.
2. Hofstadler R. *Social Darwinism in American Thought*. New York : Beacon Press, 1959. 288 p.
3. Mahan A. *Armaments and Arbitration or the Place of Force in the International Relations of States*. New York : Harper & Brothers, 1912. 260 p.
4. Spykman N. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York : Transaction Publishers, 2007. 525 p.
5. Bloomfield L. *In Search of American Foreign Policy: The Humane Use of Power*. Oxford : Oxford University Press, 1974. 190 p.
6. Morgentau H. *Politics Among Nations*. New York : Higher Education, 1973. 752 p.

References

1. Boskholov S. S. *Fundamentals of Criminal Policy: Constitutional, Criminological, Criminal Law and Informational Aspects*. Moscow: Tsentr YurInfoR Publ.; 2004. 303 p. (In Russ.).
2. Hofstadler R. *Social Darwinism in American Thought*. New York: Beacon Press; 1959. 288 p.
3. Mahan A. *Armaments and Arbitration or the Place of Force in the International Relations of States*. New York: Harper & Brothers; 1912. 260 p.
4. Spykman N. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York: Transaction Publishers; 2007. 525 p.
5. Bloomfield L. *In Search of American Foreign Policy: The Humane Use of Power*. Oxford: Oxford University Press; 1974. 190 p.
6. Morgentau H. *Politics Among Nations*. New York: Higher Education; 1973. 752 p.

Поступила | Received
07.07.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
15.07.2021

Принята к публикации | Accepted
15.07.2021